

Сяо Цзян сказал, что ничего страшного, ведь вот пришёл Бань Цзюнь, и теперь он сможет с ним всё обсудить, так как в рабочие дни тот будет отвечать за дела.

Услышав это, Старина Май сразу оживился. Он сказал, что самое важное для водителя, работающего под началом Сяо Цзяна — это стараться запомнить имена и лица всех людей.

Бань Цзюнь посмотрел на Сяо Цзяна, но тот лишь улыбнулся, ничего не ответив.

— Второе правило — не забывать мыть машину, чтобы автомобиль для перевозок всегда был чистым, — продолжил Старина Май, снова наполняя бокалы вином.

— Третье, — подняв бокал, Старина Май улыбнулся с намёком, бросив взгляд на Сяо Цзяна, — когда везешь некоторых молодых парней, не стоит отвечать на их вопросы слишком подробно. Многие хотят быть рядом с Сяо Цзяном, но не каждый может понять его так, как Су Цюн.

Сказав это, он снова поднял бокал в честь Сяо Цзяна. Су Цюн по-прежнему молчал, лишь улыбнулся и тоже поднял бокал.

Эти слова заставили Бань Цзюня слегка нахмуриться. Он размышлял, что же это могло значить. Однако тема быстро сменилась, ведь Старина Май был болтлив, а Сяо Цзян умел поддерживать разговор.

Старина Су, однако, почти не участвовал в беседе, и Бань Цзюнь тоже решил помолчать. Он хорошо понимал своё место и не хотел, чтобы его остановили перед этим старым помощником, ещё не заслужив доверия Сяо Цзяна.

После ужина пришла та самая семья.

Слуги уже убрали посуду и принесли новое вино. Бань Цзюнь и Старина Су стояли у двери, и, когда подъехала машина, Бань Цзюнь вышел, чтобы открыть дверь.

По правилам Бань Цзюнь должен был войти вместе со Стариной Су, и, если присутствовали гости, они должны были оставаться в зале, если только Сяо Цзян не разрешил им уйти. Однако, как только Старина Су вошёл, он сразу же закрыл за собой дверь, оставив Бань Цзюня снаружи.

Бань Цзюнь внимательно посмотрел на узоры на двери, но не стал возражать. Если ему не разрешили войти, ничего страшного. Он упаковал вино для Старины Мая и отнёс его в машину.

Старина Май уже был навеселе, поэтому ему пришлось попросить кого-то другого сесть за руль.

Бань Цзюнь вернулся в коридор, попросил у нескольких подчинённых зажигалку и спокойно ждал снаружи.

Он разглядывал машину гостей, вспоминая их лица.

Мужчина и женщина лет сорока, их ребёнку, вероятно, было около семнадцати или восемнадцати. Они были одеты очень аккуратно, но марка их машины не была слишком дорогой. Обычно такие люди — правительственные чиновники, в отличие от бизнесменов, которые любят показную роскошь.

Страна Усяо была захвачена капиталом, поэтому Сяо Цзян часто общался с чиновниками и тесно сотрудничал с богатыми купцами. Он, как и его основной бизнес, был связующим звеном. Ведь транспорт зависел от государственной инфраструктуры, но деньги на инфраструктуру приходилось брать из карманов богачей. Поэтому он мог получить право на использование маршрутов, но должен был обеспечить, чтобы купцы могли загружать и выгружать товары на его линиях, зарабатывая достаточно денег.

Особенно в последние годы, когда Усяо расширяла свои владения, такие люди, как Сяо Цзян, стали незаменимыми. Ведь Сяо Цзян не только общался с местными, но и распространил свои маршруты на юг.

Именно поэтому страна Юйшэ сильно его подставила. Ведь раньше этот рынок принадлежал Юйшэ, которая расположена к югу от Усяо. Увидев действия Сяо Цзяна, они быстро натянули сети.

Однако это был не личный план Сяо Цзяна. За ним стояли чиновники.

Вот почему, даже понеся убытки, он остался на плаву. Но убытки пришлось покрывать ему самому, ведь чиновники не стали бы платить за эти потери. Хотя такие люди, как Сяо Цзян, действительно были необходимы, но без него всегда можно было найти замену.

Поэтому Сяо Цзян так спешил набирать таланты, чтобы быстро разобраться с внутренними проблемами. Только так он мог восполнить финансовые потери и снова вступить в борьбу с Юйшэ.

А для этого перед ним стояла задача — захватить оставшиеся два трущобных района.

Порт был единственным источником крупных денежных поступлений. Сяо Цзян не только должен был мобилизовать всех жителей трущоб, но, возможно — хотя и не сразу — ему пришлось бы устранить Вэнь Юна, который конкурировал с ним за порт.

Поэтому, с точки зрения Вэнь Юна, даже если он отправил Бань Цзюня, ему нужно было как можно быстрее укрепить свои позиции, ведь он слишком хорошо понимал, что, когда решается

основной конфликт, второстепенные проблемы становятся главными.

Из комнаты раздались звуки фортепиано. Видимо, молодой парень играл для взрослых.

Бань Цзюнь узнал эту мелодию. Тот человек когда-то напевал её, когда они лежали под деревом, щурясь от солнца.

Это было время, когда он, казалось, прикоснулся к любви.

Он бросился в клубы пыли.

Мальчик не имел имени или, скорее, не хотел сообщать его солдату.

Поэтому молодой солдат назвал его Малыш А Да, ведь он был первым ребёнком, которого привели в лагерь.

Малыш А Да действительно не был отправлен дальше, его оставили в этом лагере. С ним было ещё несколько детей, которых привели туда же. Они помогали медсёстрам и врачам менять повязки раненым, распределяли еду, разгружали ящики с припасами и считали оружие.

Но они не могли покинуть лагерь, ведь за его пределами повсюду были люди Юнцзэ и солдаты, нанятые ими.

У всех этих детей были шрамы, вероятно, их истории были похожи на историю Малыша А Да.

Их волосы были обриты, а одежду сняли, когда их привели. Это был способ наказания людей Юнцзэ — обрить голову и вырезать на теле позорные метки.

Иногда на руке, иногда на груди, а иногда на шее. Чем тяжелее было преступление, тем заметнее было место метки.

Но солдат не знал, где была метка у Малыша А Да, ведь тот всегда носил рубашку, подаренную ему вождём.

Это была выцветшая рубашка с пятнами на воротнике и манжетах. Через неделю он получил новую, чистую рубашку от молодого солдата, от которой пахло мылом.

Солдат тоже не сказал своего имени, только что он на четыре года старше Малыша А Да.

Поэтому Малыш А Да не называл его по имени, только Братец-солдат.

Но Малышу А Да не нравилось общаться с другими детьми, ведь это напоминало ему о потере дома. Ему больше нравилось следовать за Братцем-солдатом, который медленно учил его говорить на языке Усяо и рассказывал истории о своей жизни там.

Так Малыш А Да узнал, что Усяо — это страна зверей, где есть множество легенд о ночных совах. Братец-солдат говорил, что ночная сова — это их сила, которая может защитить от ливней и штормов.

Он рассказывал, что в Усяо есть высокие здания, а между стальными джунглями кипит жизнь. Люди там пьют вино в ресторанах, в отличие от людей Северных Равнин, которые предпочитают пить на песках.

Он также говорил о туманах и ясной погоде в Усяо. Туман может быть таким густым, что не видно улицу напротив, но в следующую секунду уже светит солнце, и всё вокруг становится ясным и ярким. Поэтому люди Усяо носят зонтики и солнцезащитные очки.

Их звёзды похожи на солнечный свет, падающий на песок, словно рассыпанные алмазы и золотые монеты.

Малыш А Да слушал, заворожённый, и засыпал рядом с Братцем-солдатом. Они могли говорить от рассвета до глубокой ночи, наблюдая, как встаёт солнце. Затем Братец-солдат укрывал его одеялом и тихо выходил из палатки.

А Малыш А Да открывал глаза и смотрел, как солнечный свет или лунный свет очерчивают контур Братца-солдата. Тот стоял снаружи, но его тень проникала внутрь палатки.

Иногда Братец-солдат засыпал рядом с ним, и рассказчик погружался в сон быстрее, чем слушатель. Тогда Малыш А Да мог рассмотреть его лицо — изогнутый нос, резкие брови, тонкие, как лезвие, губы и щетину, которую он сбрасывал.

Запах мыла смешивался с порохом, и Малыш А Да невольно приближался.

В ту ночь Малыш А Да с остальными выпил много вина «Огненный конь», поэтому он осмелился положить руку на солдата.

Он так хотел, чтобы этот человек был его братом. Но в то же время он не хотел, чтобы он был его братом.

В тот год Малышу А Да было девятнадцать.

В тот момент он ещё не понимал, что этот лагерь, где он прожил два года, был вынужден подписать соглашение, и все должны были уйти.

Алкоголь затуманил его разум. Ему казалось, что он обнимает, целует, его тело трётся о тело солдата, оставляя следы на его бёдрах.

Запах мыла был таким сильным, словно аромат цветов, распустившихся в поле. А его губы были мягкими, и запах табака и алкоголя смешивался с этим ароматом.

<http://bllate.org/book/15264/1347051>